

УДК 1 (091)

РАСШИРЕННАЯ МОДЕЛЬ РЕГИОНОВ СУЩЕГО И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ЗАДАЧ¹

Н.А. Подзолкова

Озёрский технологический институт (филиал) Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ), г. Озёрск

Предлагается модель организации ключевых категорий (регионов) мировой философии: сущего, бытия и сущности, разработанная с учётом введения категорий (подрегионов) *Dasein* (здесь-бытие) и *Dawesen* (здесь-сущность). Подобная дифференциация позволяют прояснить связи между базовыми категориями и более развёрнуто анализировать извечные философские вопросы.

Ключевые слова: *сущее, материально-сущее, бытие, сущность, Dasein, Dawesen.*

В явном виде модель «сущее–бытие–сущность» была представлена в работе В.С. Соловьёва «Философские начала цельного знания» [14, с. 257–261], однако уже тогда она явилась некоторым обобщением метафизических картин мира от Платона и Аристотеля до Канта и Гегеля. Задача заключалась не в том, чтобы создать систему новых категорий, а в том, чтобы синтезировать и связать между собой самые базовые, а потому и самые трудно стыкуемые категории в общем организующем поле всеединства. Сила принципа всеединства в его *неотрицании*, в возможности согласованного действия разных начал, каждое из которых может лечь в основу развёртывания многообразия: двигаясь из любой точки, мы можем описать картину целиком, потянув за любую ниточку, можем привести в движение всю сеть, используя любой момент настоящего, можем охватить вечное.

Моделирование как гносеологический приём в философии имеет огромное практическое значение. Как и в естественных науках, удачная метафизическая модель операциональна: она позволяет работать с категориями, которые вне этой модели как многоголовые гидры сплетаются своими бесконечными смыслами, сбивая с толку наш разум. (Умение видеть за моделью (схемой) полноту жизни – обратная операция, которая восходит к нашему опыту (в самом широком значении этого слова) и должна быть освоена за пределами любого текста). Создание удачной метафизической модели – задача чрезвычайно сложная, чаще всего над ней трудится не одно поколение философов, дополняя, уточняя и корректируя друг друга. В работе «Философские начала цельного знания» хорошо прослеживается процесс становления модели: перекомпоновка элементов,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Постнеклассическая интегральная философия: образы социального протокола», грант № 14-03-00825.

уточнение содержания понятий ради получения структуры, способной лучше генерировать многообразие, оставаясь при этом предельно простой.

Перед нами модели, предложенные В.С. Соловьёвым.

Первый вариант [там же, с. 257]:

I	II	III
<i>Сущее как такое (Бог)</i>	<i>Сущность</i> (содержание или <i>идея</i>)	<i>Бытие</i> (способ или мoдус бытия, <i>природа</i>)
1. Дух	Благо	Воля
2. Ум	Истина	Представление
3. Душа	Красота	Чувство

Второй вариант [там же, с. 261]:

1) Сущее (Абсолютное)	2) Бытие (Логос)	3) Сущность (Идея)
1. Абсолютное...Дух	Воля	Благо
2. Логос.....Ум	Представление	Истина
3. Идея.....Душа	Чувство	Красота

Работа над триединой моделью Владимира Соловьёва не прекращалась. Вольно или невольно её продолжили М. Хайдеггер и его ученик О. Беккер, над схожими вопросами трудились А.Ф. Лосев и М.К. Мамардашвили, а также множество философов, занимающихся синтезом базовых философских категорий. Авторство расширенной модели регионов сущего, рассматриваемой в данной статье, принадлежит руководителю Философского семинара г. Озёрска С.А. Борчикову [3], однако автор считает себя причастным к её разработке, поскольку модель рождалась и оттачивалась в совместных дискуссиях на семинаре. Кроме того, модель многократно разбиралась и критиковалась во время скайп-дискуссий Интегрального сообщества [12], возглавляемого В.И. Моисеевым. В.И. Моисеев также сформулировал свою альтернативную версию метафизической модели в лекции «Сильнопредикатизм» [8]. Таким образом, по мнению С.А. Борчикова, считать соавторами модели можно в определённой мере всех участников Философского семинара и Интегрального сообщества.

В данной статье представлена авторская интерпретация модели, которая может несколько отличаться от понимания С.А. Борчикова. Более того, предлагаемая модель не является завершённой. Она «работает», т. е. позволяет отвечать на вопросы, которые вне этой модели даже формулировались с трудом, однако, по принципу Сократа, расширяя круг понимаемого, мы увеличиваем и область непонятого: возникают новые вопросы, некоторые, из них предлагаются здесь для обдумывания всему философскому сообществу.

1. Базовая модель регионов сущего

Необходимо начать с того содержания, которое вкладывается в базовые категории в рамках рассматриваемой модели.

Категории «сущее» и «материально-сущее». У Соловьёва под сущим понимается наиболее глобальная и всеохватная категория всего того, что стоит «за» миром явлений. Сущее – это базис и опора всего мыслимого и воспринимаемого, всё, что есть *на самом деле*, но раскрывается нам лишь своими фрагментами – *феноменами*. Поэтому не случайно сущее представлено предикатами *абсолютного*. В нашей модели такая интерпретация тоже присутствует, но она остаётся фоновой. Можно сказать, что вся модель разворачивается «на фоне» сущего, «из» него, сущее – не часть модели, а материал, из которого она создаётся. В модели Соловьёва сущее «захлестывает» все остальные категории: например, сущее как Логос – это бытие, а сущее как Идея – это сущность. «Холархия» С.А. Борчикова также предполагает такое включение: 1) сущее, 2) внутри него – бытие, 3) внутри него – сущности. Но визуальная модель, предлагаемая вашему вниманию, – это не холархия.

Чтобы избежать «неравновесности» элементов, где сущее гораздо больше бытия и сущности и полностью включает их в себя, мы рисуем не просто три вложенных «круга Эйлера» (сущее, бытие, сущность), а три кольца с трудно проницаемыми границами. (Задача как раз и состоит в том, чтобы понять, как эти границы преодолеваются). Под внешним кольцом нашей модели будем понимать только *материально-сущее* или кантовскую «вещь-в-себе»: весь мир всевозможных тел и частиц (энергий и вибраций), не затронутых пониманием и объяснением, не обработанных «априорными формами» человеческого. Такое материально-сущее абсолютно *трансцендентно*. Мы просто предполагаем его существующим вне зависимости от нашего бытия и сознания. Таким образом, мы не можем в рамках нашей модели сказать, что кошка или звезда существуют *как материально-сущее*. Мы можем констатировать только следующее: «Существует “нечто”, что мы *впоследствии*, возможно, назовём “кошкой” или “звездой” (т. е. переведём в регион *сущности*), и относительно чего *впоследствии*, возможно, будем иметь некоторый внутренний опыт, например, “ощущение приятной мягкости” и “ощущение нежной привязанности” – от “кошки”, “ощущение красоты” и “ощущение холода вокруг глаза при заглядывании в телескоп” – от звезды (т. е. переведём в регион *бытия*)».

Категория «бытие». Под бытием мы будем понимать всё, что нами переживается и чувствуется. Не абстрактно (иначе мы говорим уже о *сущности*), а очень конкретно. Бытие – это жизнь, которая с нами случается. Это сфера наших отношений, страхов, боли, любви, радости. Весь тот «реальный» мир, который мы ежесекундно вокруг себя ощущаем во сне или наяву. Если нам снится, что мы бежим от тигра, слышим его рычание, чувствуем, как острые камни царапают ноги, испытываем ужас, то это и есть наше реальное бытие. Когда мы проснёмся, нашим бытием станут переживание увиденного уже «в качестве сна», ощущение облегчения, осознание гладкости простыни и т. д.

Категория «сущность». Под сущностью мы будем традиционно понимать умопостигаемый мир понятий и идей. Это и строгий мир математических аксиом, которые не зависят от нашего настроения и самочувствия, и хаотичный мир понятий с их переменными смыслами, зависящими от текучего бытия, и блистательный мир духовных истин, вечно искомым и всегда теряющих свою чистоту при соприкосновении с бытийным хаосом. Это тот удивительный регион, в котором находили прибежище Парменид и Платон, и в то же время привольно чувствовали себя Протагор и Гераклит. Неоднородность этого региона и послужила поводом для поисков дальнейшей дифференциации триединой соловьёвской модели.

Рис. 1. Базовая модель регионов сущего

Три окружности, или три кольца, которыми мы обозначили фундаментальные регионы *материально-сущего*, *бытия* и *сущности*, должны послужить основой для нашей визуальной модели (рис. 1). Отметим, что понятие «регион» наиболее адекватно характеризует её элементы. Регион – это нечто более осязаемое, представимое и даже «обитаемое», чем абстрактные – «категория», «сфера», «область». В *регионе сущности* можно «поискать сокрытую истину», в *регионе бытия* можно «наконец, почувствовать себя живым», в *регионе материально-сущего* можно «кануть навеки». Иногда поэтические сравнения помогают настроиться на понимание.

Важно также помнить, что событие может совершаться во всех трёх регионах, а может только в одном. Вообще, разделение на регионы – это лишь дань нашим «априорным формам», тому способу понимания, который на данном этапе характеризует *сферу человеческого* [10; 11]. Например, в горах случился обвал. Если никто о нём не узнал, он не выйдет за пределы кольца *материально-сущего*, если его видели или кто-то пострадал – событие войдёт в кольцо *бытия* в виде переживаний, ощущений и воспоминаний, а также в кольцо *сущности*, поскольку будут использованы понятия «горы», «обвал», «жертвы» для передачи ощущений и опыта. Или например, «случилась» семья. В кольце *материально-сущего* нет такого «события», там есть только перемещения тел (частиц) в пространстве и во

времени (даже это не совсем корректно, если учесть, что и «пространство», и «время» суть только наши априорные формы), зато в кольце *бытия* семья, безусловно, есть – со всеми своими радостями, совместными хлопотами, социальным статусом и множеством других имманентных вещей. В кольце *сущности* имеются понятия: «семейная жизнь», «совместно нажитое имущество», «любовь», «измена», которые помогают структурировать события семейной жизни в кольце *бытия*. Теоретически возможно представить себе также некоторое абстрактное понятие, например, «круглый квадрат», которое практически не выходит за пределы круга *сущности*, однако, поскольку оно возникло в чьей-то голове, то частично все же сопряжено и с кольцом *бытия*. Вот такие можно отметить первичные переходы и трансформации в рамках базовой модели.

2. Расширенная модель регионов сущего

Рассмотрим расширенную модель основных метафизических регионов.

Регион материально-сущего. Очевидно, что мы пока не можем внести здесь какую-либо дифференциацию в силу трансцендентности данного региона. Возможно, некоторая определённая появится на стыке регионов, когда мы будем говорить о преодолении границ между ними. Выход в трансцендентное всегда оставался заветной мечтой философов.

Регион бытия. Неоднородность региона бытия отчётливо сформулировал Гегель в «Науке логики». У него мы находим «чистое бытие», «наличное бытие» и «для-себя-бытие». В интерпретации Гегеля «чистое бытие» более всего напоминает то *фоновое сущее*, которое мы оговорили в первой части. В нашей базовой модели кольцо, обозначенное как регион бытия, покоится на сущем как таковом, на том соловьёвском сущем, которое включает в себя любой другой регион. Это подходит под гегелевское определение бытия как «чистой неопределённости и пустоты» [6, с. 68]. «Наличное бытие» Гегеля (*Dasein*) обладает качествами определённости, изменчивости и конечности, т. е. вполне соответствует тем характеристикам, которые мы дали региону бытия в базовой модели. Однако третий вид бытия, по Гегелю, «для-себя-бытие» в базовой модели пока не дифференцирован. Гегель характеризует этот вид бытия терминами «бесконечное возвращение в себя», «завершённость», «абсолютная определённость» [6, с. 154–55].

Сходный мотив можно найти у Хайдеггера. В своей поздней статье «Время и бытие» он пишет об *Ereignis*. Странное понятие, которое переводят как «событие», «со-бытие», «присвоение» или даже «вы-своение». «Das Ereignis – событие, которое даёт возможность всему быть самим собой, позволяет всему идти к себе, высваивая это нечто, о-свивая его, о-собляя его» [17, с. 183]. Как можно изнутри бытия вернуться к бытию, как можно быть, если ты уже есть? Это возможно, только если речь идёт о новом качестве бытия. *Ereignis* – это и есть тот «просвет», который открывает нам выход в новое бытийное качество. Может показаться, что это игра абстрактными понятиями, но нет ничего более конкретного и настоящего для тех, кто почувствовал это «возвращение из бытия к бытию» на собственном опыте.

Читаем у М.К. Мамардашвили: «...Человеческие существа в силу некоторого фундаментального положения в космосе таковы, что живут одновременно в двух режимах жизни – в режиме некоторой невидимой реальности (более реальной, чем видимая) и в режиме видимой реальности. Причём в режиме невидимой реальности ... мы живём переборами...» [7, с. 109]. «...Переборами, то есть нашими истинными состояниями... Но это только на какое-то мгновение, ибо в следующее мгновение вновь наступает полоса обыденной жизни, в которой – гряда отрицательных состояний и отрицательных предметов» [7, с. 108]. Термин «отрицательный» в контексте цитаты означает «без реального присутствия», когда события-состояния с человеком просто «случаются», не вызывают «бытийного» отклика.

Читаем у А. Бергсона: «Нужно привыкнуть мыслить Бытие непосредственно, не делая обхода, не обращаясь сначала к призраку небытия, становящемуся между Бытием и нами. <...> Тогда Абсолютное открывается совсем вблизи нас и, в известной мере, внутри нас. Сущность его психологическая, а не математическая или логическая. Оно живёт с нами. Как и мы, оно длится, хотя известными своими сторонами оно бесконечно более сконцентрировано и более сосредоточено на самом себе, чем мы» [2, с. 286].

Наконец, читаем у Р. Брэдли (писатели иногда умеют понятнее, чем философы описывать сложнейшие для понимания вещи): «Наконец Дуглас украдкой приоткрыл один глаз: вдруг опять ничего? Вот оно, все тут, все, как есть! Точно огромный зрачок исполинского глаза, который тоже только что раскрылся и глядит в изумлении, на него в упор смотрел весь мир. И он понял: вот что неожиданно пришло к нему, и теперь останется с ним, и уже никогда его не покинет. Я ЖИВОЙ, – подумал он. <...> Под Дугласом шептались травы. Он опустил руку и ощутил их пушистые ножны. И где-то далеко, в теннисных туфлях, шевельнул пальцами. В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер. Многоцветный мир переливался в зрачках, точно пёстрые картинки в хрустальном шаре. Лесистые холмы были усеяны цветами, будто осколками солнца и огненными клочками неба. По огромному опрокинутому озеру небосвода мелькали птицы, точно камушки, брошенные ловкой рукой. Дуглас шумно дышал сквозь зубы, он словно вдыхал лёд и выдыхал пламя. Тысячи пчёл и стрекоз пронизывали воздух, как электрические разряды. Десять тысяч волосков на голове Дугласа выросли на одну миллионную дюйма. В каждом его ухе стучало по сердцу, третье колотилось в горле, а настоящее гулко ухало в груди. Тело жадно дышало миллионами пор. Я и правда живой, думал Дуглас. Прежде я этого не знал, а может и знал, да не помню. Он выкрикнул это про себя раз, другой, десять! Надо же! Прожил на свете целых двенадцать лет и ничегошеньки не понимал!» [19, с. 5–6].

Итак, наше бытие неоднородно. Сначала оно прорастает из фона сущего, чтобы стать определённым и текучим, постоянно пытаюсь захватить всё наше существо целиком, погрузив его в череду сменяющихся забот и обрывочных мыслей. В этом бытии мы всегда переполнены фрагментами прошлого и пытаемся сфабриковать из этих фрагментов примерный каркас будущего, часто ошибаемся, но снова и снова повторяем свои попытки, торо-

пись оставив после себя хоть что-то, пока нас не поглотит небытие. Конечность бытия кажется нам вполне очевидной, поскольку конечны все бытийные состояния, которые мы переживаем на собственном опыте. Некоторые люди, правда, предполагают, что любой конец – это начало чего-то нового, значит, окончание нашего бытия в одном качестве будет началом какого-то другого бытия, но наличного опыта этого «другого бытия» у них тоже, как правило, нет. Чаще всего «бытие по ту сторону» представляется снова проекцией прошлого опыта. Пока не происходит переключение «режимов бытия» [9]. Переключатель – хайдеггеровский Ereignis.

Об этом «переключении» тысячелетиями писали мистики всех народов, но, возможно, именно поэтому состояние «возвращённого к себе бытия» казалось таким далёким – ведь мистический экстаз переживают единицы. Но если мы по-новому расставим акценты, если увидим, что этот режим бытия столь же естественен и необходим, что он не абстрактная выдумка Гегеля и не исключительное достояние мистиков, а фундаментальное свойство жизни, доступное детям и взрослым, тогда мы привыкнем ориентироваться на него, начнём сознательно готовить условия для того, чтобы в нашей жизни случались удивительные события-Ereignis, позволяющие вернуться к самим себе в лабиринтах региона бытия.

Такому отчётливому пониманию как раз способствует моделирование. Поэтому пришло время выделить на нашей базовой схеме место для этого нового подрегиона и дать ему имя. Здесь наши пути с Гегелем немного расходятся, потому что в нашей модели новый подрегион бытия, который соответствует гегелевскому «для-себя-бытию», называется Dasein. Тому есть несколько причин. Во-первых, понятие Dasein (здесь-бытие), которому Гегель давал характеристики «наличного бытия» (определённого, текущего и конечного), давно уже переосмыслено Хайдеггером в качестве именно «возвращающего к себе бытия», того самого бытия, в которое мы попадаем через просвет Ereignis. Во-вторых, приставка «Da-» хорошо переводится как «тут», «здесь и сейчас», что как нельзя более точно характеризует тот регион бытия, о котором мы говорим. И наконец, ученик Хайдеггера Оскар Беккер ввёл очень удачное понятие Dawesen (здесь-сущность), которое симметрично позволит нам говорить о новом подрегионе сущности, аналогичном подрегиону Dasein.

Регион сущности. Регион сущности – это сфера мышления, сознания, логики, языка, мир идей Платона и мыслительная субстанция Декарта. Неоднородность этого региона была заметна ещё в базовой модели. Действительно, как могут легко соседствовать истины и заблуждения, строгие аксиомы и расхожие мнения, идеи-эйдосы, структурирующие реальность, и симулякры-фальсификаторы, дезориентирующие мышление? Для выявления нового подрегиона внутри региона сущности обратимся к Мартину Хайдеггеру.

«Итак, есть два вида мышления, причём существование каждого из них оправдано и необходимо для определённых целей: вычисляющее мышление и осмысляющее раздумье (das besinnliche Nachdenken). Именно это осмысляющее раздумье мы и имеем в виду, когда говорим, что сего-

дняшний человек спасается бегством от мышления» [17, с. 104]. Констатировать, что человек не хочет мыслить каким-то особым способом ещё недостаточно, так как человек может и не догадываться о наличии этого способа. Анри Бергсон писал об этом: «...то, что с точки зрения интеллекта предстаёт как усилие, само по себе есть отказ от усилия, расслабление» [2, с. 214]. Здесь и ловушка. Напряжение интеллекта, «заточенного» и настроенного своими априорными формами под определённые «физические» задачи, есть ослабление осмысляющего раздумья, которое пытается преодолеть эти предзаданные формы и через бесформенное двигаться дальше – эволюционировать. С другой стороны, напряжение осмысляющего раздумья ослабляет интеллект, выбрасывает его на шаткое поле аллегорий и метафор, нарушает планомерную деятельность в регионе бытия.

Эта дилемма должна разрешаться в регионе сущности, если мы сумеем найти те предметы, которые лежат в основе разных видов мышления.

Рассмотрим некоторые «элементы» региона сущности. Например, у меня в голове возникла идея «зелёная корова с рыбьим хвостом». Любая идея – это и есть элемент региона сущности. Тут же обнаружатся другие идеи (логические предикаты), которые соотносятся с моей идеей (например, «корова», «зелёный цвет», «рыбий хвост»). Между этими идеями возникают определённые связи, которые могут верифицировать или, наоборот, фальсифицировать мою идею, например, если в моём определении коровы есть точное указание на цвет и форму хвоста. Если нет, то рано или поздно мне придётся соотнести свою идею с моим бытийным опытом (выйти в регион бытия), т. е. поехать, поискать похожих коров, вступить в контакт с другими людьми, получить новые впечатления. Таким образом, моя идея будет иметь опосредованные связи с некоторыми бытийными предикатами: обидой на людей, которые надо мной смеялись, усталостью от поисков подходящей коровы и многое другое. Очевидно, что до региона материально-сущего мне не придётся «спускаться», так как никакого «трансцендентного аналога» моей коровы там нет. Но если бы даже был, то прямая связь между регионом материально-сущего и регионом сущности пока невозможна, они сообщаются только через регион бытия.

В первом примере у идеи появилось два вида связей: связи с другими идеями и связи с бытием. Но если мы рассмотрим, например, идею «добро», то недостаточно будет «обвесить» её логическими предикатами и поискать в мире добрых людей (онтологические предикаты). Между идеей добра и бытием существует гораздо более существенная связь, чем просто поиск подходящих объектов, которые через своё бытие реализуют опыт добра. Идея добра, возможно, сама способна менять бытие. Ведь мы вправе предположить, что не было никакого бытийного опыта добрых поступков, когда эта идея впервые зародилась в чьей-то голове, что ей не с чем было соотнести ни логически, ни онтологически, но она тем не менее изменила мир, заставив кого-то впервые проявить жалость и уступить, не имея на то никаких веских оснований. Что, в таком случае, «питало» эту идею, что дало ей возможность проникнуть в регион бытия и изменить его в соответствии с собой?

Очевидно, что у идеи добра были ещё какие-то связи, восходящие к более сильным предикатам, чем логические или онтологические. (Уточним, что логическими предикатами мы называем здесь другие (отличные от первоначально рассматриваемой идеи) элементы региона сущности, а онтологическими предикатами называем элементы региона бытия, связанные с первоначальной идеей). Что это за элементы региона сущности, которые могут укрепить идею, подвести под неё основание, дать ей энергию изменять мир?

Соратник и одновременно оппонент Мартина Хайдеггера Оскар Беккер назвал эти элементы *Dawesen* (здесь-сущностями). «По Беккеру, Да-сущностям свойственны, помимо общих с сущностью характеристик (идеальность, прозрачность, сверхчувственность, вечность, гармоничность, истинность, субстанциальность и т. п.), еще и собственные характеристики, такие, как постоянное при-сутствие (наличность, бытийное существование), скромная простота (естественность, ненапряженность), хрупкость (уязвимость, ломкость). Но главная – несомость вознесения или несение вознесённости (*Getragenheit*)» [4].

Если задуматься, то уже Платон недвусмысленно указывал на особенные элементы идеального мира, принципиально отличные от обычных мыслей. Ведь его эйдосы, его выделенный мир идей – это совершенно особенный регион, который полагает основу всему бытийствующему (как второстепенному). Платоновские эйдосы безусловно обладали беккеровскими качествами «вознесённости» над миром обыденных мыслей, и «несомости» смысла бытия для людей. Может быть, Платон не так остро чувствовал их «хрупкость» (уязвимость), потому что только многовековая история заблуждений человечества показала, насколько легко «вознесённо-несомый» эйдос истины искажается от соприкосновения с другими, более грубыми и прочными, элементами региона сущности.

Судя по всему, М.К. Мамардашвили тоже рассматривал платоновские идеи именно как новые структурные единицы, которые мы сейчас пытаемся выявить в регионе сущности: «...Есть какие-то *структуры*, входя в которые, наши психические состояния получают *другой режим жизни*: они не рассеиваются и не распадаются – как распадаются, исчезают обычные эмпирические переживания. Вот эти упорядочивающие структуры, позволяющие сохранить наши мысли и чувства и понять их смысл, Платон называл *идеями*. Это нечто абсолютное (неизменное) в мире хаоса и распада. “Жизнь” идеи можно сравнить с некой тканью, на которой расположены точки эмпирического бытия и которая позволяет “собрать” их в смысловую цельность» [13, с. 57].

Есть ещё одна очень существенная характеристика этих несущих наше бытие структур, которые мы назвали *Dawesen* (да-сущностями), они трансцендентны. В этом вся сложность и парадоксальность ситуации. С одной стороны, мы остро нуждаемся в *Dawesen*, несмотря на свою хрупкость, они и есть наша несущая основа, с другой стороны, они недоступны нам непосредственно, не являются элементами нашего имманентного мира, как обычные идеи-сущности и как наши бытийные переживания, чувства, вос-

поминания. «То есть действие трансцендирования налицо, но собственно трансцендентного нет» [там же]. Чтобы видеть невидимое нужны особые «органы», принадлежащие не физическому нашему телу, но творческому. С помощью «творческого тела» и происходит процедура трансцендирования, мы становимся как бы одноприродны той живой и одновременно вечной ткани, из которой состоит *Dawesen*. Платон творит «Диалоги», соединяя нас невидимыми нитями с *da*-сущностью Истины, а Рафаэль творит «Сикстинскую мадонну», соединяя нас с *da*-сущностью Красоты. Не скелетом и мышцами они совершали свою работу, не из собственного жизненного опыта переживаний, разочарований и обрывочных воспоминаний лепили нетленные опоры нашей современной цивилизации. Поэтому, когда Хайдеггер говорит об осмысляющем раздумье, он тоже имеет в виду мышление-созидание, которое есть свойство нашего невидимого «творческого тела».

Подведём некоторые итоги. Возвращаясь к проблеме двух видов мышления, которую поставил Хайдеггер, мы можем теперь сказать, что предметом вычисляющего мышления являются обычные элементы региона сущности (имманентные нашему мышлению), а предметом осмысляющего раздумья являются элементы подрегиона *Dawesen* (трансцендентные нашему мышлению). Возникает вопрос, как мы можем мыслить то, что недоступно мышлению? Через процедуру трансцендирования, которая обеспечивает связь обычных сущностей с *Dawesen*.

«...Всё, что нужно узнать, понять, в нас уже запечатлено», однако «мы запаздываем по отношению к самим себе» [7, с. 268]. Где запечатлено? – В регионе *Dawesen*. Как туда попасть? – Через осмысляющие раздумье. Хайдеггерский термин «*das besinnliche Nachdenken*» дословно переводится как «думанье вслед за чем-то, после чего-то». Вот где проявляется момент «запаздывания». В нас всегда *уже есть* «наведённый» свет *Dawesen*, только мы не отзываемся на него, наше мышление пока слишком иноприродно ему, оно почти целиком погружено в регион обычных сущностей и, работая с ними, не умеет различать, от каких сущностей тянутся нити в трансцендентное, а какие сущности – просто грохочущие сцепки формально-логических предикатов.

Если такие «безосновные» сцепки сущностей начинают влиять на регион бытия, то возникают ложные надежды и прожекты, которые затем исчезают как «замками на песке» – у элементов сущности, не подпитанных из региона *Dawesen*, нет «мощности» менять регионы бытия и материально-сущего. Ситуация гораздо серьезнее, если в такой сцепке сущностей «запутывается» хрупкая и сияющая *da*-сущность. Тогда, зачарованные ею, люди будут менять своё бытие (например, семьдесят лет строить коммунизм), пока она, наконец, не высвободится из ложным связей, оставив нам лишь горький привкус потери смысла (вспомним настроения 90-х годов прошлого столетия).

Таким образом, мы выделили в нашей расширенной базовой модели два подрегиона: подрегион *Dasein* в регионе бытия и подрегион *Dawesen* в регионе сущности, а также обозначили области трансцендентного и имманентного относительно человеческого бытия и сознания (Рис. 2).

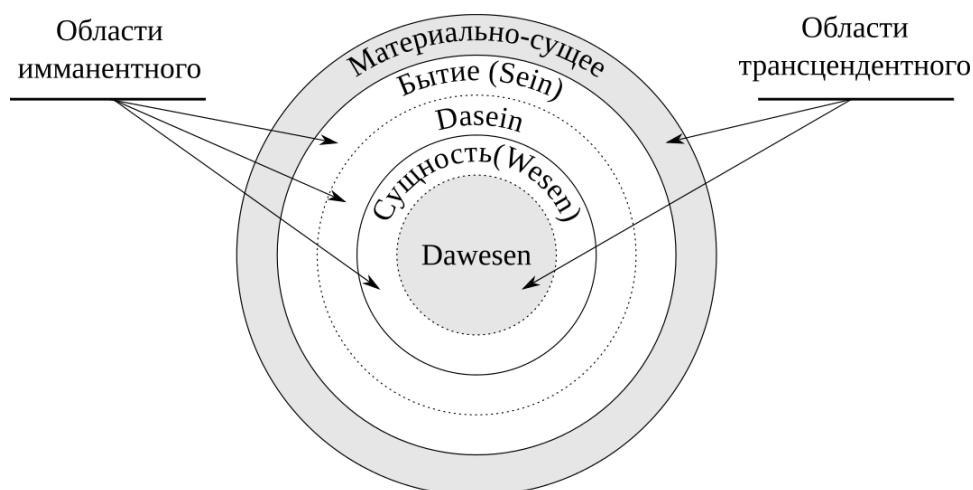

Рис. 2. Расширенная модель регионов сущего

3. Примеры использования расширенной модели регионов сущего в истории философии

В этой части мы попробуем поработать с расширенной моделью, чтобы показать её операциональный потенциал на историко-философском материале. Здесь представлены только самые первоначальные зарисовки (вольные интерпретации автора), которые могли бы со временем быть развёрнуты в более структурный и подробный анализ.

Платон и Аристотель. Мы уже говорили здесь о Платоне, и очевидно, что предметом его эроса был подрегион Dawesen. Проблема в том, что, оторвав этот регион от всех остальных, чрезмерно идеализировав его, Платон постепенно «обескровливает» мир идей, превращая его в свод статичных, вечных и мёртвых Законов. Регион Dawesen не существует сам по себе, не является также целью, ради которой должны быть отброшены все предыдущие «ступени». В холархии сущего этот регион занимает, безусловно, самое высшее место, но наша модель намеренно лишена холархичности, мы рассматриваем все метафизические регионы как со-равные, со-вечные и со-пряжённые друг с другом. Через подрегионы Dasein и Dawesen (с их удивительно точной приставкой «Да-») проявляется, с одной стороны, жизненность, изменчивость, открытость мира – вечное «здесь и сейчас», с другой стороны, его сокровенная глубина – ныряя в Dawesen, можно вынырнуть в Dasein и почувствовать себя ЖИВЫМ (как даосы, никогда не отрицавшие радость жизни и причастность вечно текущему потоку бытия), и наоборот, ныряя в Dasein можно вынырнуть в Dawesen и осознать, что всё ЖИВОЕ есть также ИСТИНА, ДОБРО и КРАСОТА. Платону был чужд регион Dasein, поэтому со временем всё больше и больше «иссушалось» его «творческое тело», всё более невыносимой становилась тоска по несбыточной родине, где сияют вечные, но теперь слишком холодные Идеи.

Аристотель был человеком, безусловно, более «приземлённым»: сфера его интересов охватывала практически все регионы, хотя отдавал предпочтение региону сущности и его влиянию на структурирование региона

бытия. Фактически, Аристотель сконструировал для нас мир, в котором мы живём. Описал законы, по которым связываются логические и бытийные предикаты, и на поверхности сущего постепенно образовалась «кора» европейской цивилизации – с её ориентирами, подходами, способом познания и переживания. Конечно, он задал только самый «каркас», но это, по сути, главное. Затем искусственная ткань культуры стала наращиваться другими творцами и мыслителями. Что же касается, регионов трансцендентного, то в своей всеохватной системе он их описал: регион материально-сущего как бесформенную первоматерию и регион Dawesen как форму форм (Творческий Абсолют). Фактически, он нарисовал нашу модель, кроме региона Dasein, и указал актуальное место каждого элемента в этой системе мира, но мир так и застыл в вечном порыве от бесформенного к Абсолюту: камень в нём всегда останется камнем, курица – курицей, а человек – человеком: политическим животным, наделённым разумом.

И Аристотель, и Платон одинаково игнорировали область Dasein, только по разным причинам: Платон слишком тянулся в Dawesen, а Аристотель был слишком увлечён теми возможностями по конструированию реальности, которые открывал разум. Регион Dasein воспринимался как сфера неразумной природы, где просто есть ЖИЗНЬ, не осознающая себя. Возможно, воспоминания о диких менадах, которые пытались использовать силу и мощь этой жизни, надолго отвратили трезвые умы греческих философов от попыток «почувствовать себя живыми».

Августин, Ансельм, христианские мистики. Эта интереснейшая эпоха, которая пришла на смену античному миру, ознаменовалось открытием колоссальной важности. В рамках нашей модели это открытие будет звучать так: та особенная центральная da-сущность в регионе Dawesen, которую Платон называл Идеей Блага, Аристотель – Formой форм, а Плотин – Единым, оказалась способной сама обращаться в сторону человека и имманентизироваться в его бытие, наполняя это бытие новой жизнью и новым смыслом. К процедуре трансцендирования в подрегион Dawesen, которую осваивали античные философы, добавилась новая процедура имманентизации Живого Бога, который своим встречным движением «изливался» (эманировал) в регион бытия в форме личностного переживания и живого общения.

«Ты зовёшь нас к пониманию...», «Ты полюбил нас...», «Ты обратил меня к себе...» – восклицает Августин [1]. Вдруг оказалось, что нет преграды между мыслимым и существующим, если мыслимое – Бог. Это и попытался выразить Ансельм Кентерберийский в своём онтологическом доказательстве. Если мы будем рассматривать его рассуждения как элементы региона сущности, то они не будут иметь никакой бытийной силы. Но если допустить, что слова есть лишь «произведение» невидимого «творческого тела» Ансельма, которое непосредственно принимает в себя из региона Dawesen универсальную da-сущность Живого Бога, то не возникнет сомнений в том, что существование есть главный и неотъемлемый атрибут этой da-сущности.

То же чувствовали и христианские мистики, переживая непосредственный опыт общения с Богом. Из региона Dawesen в омертвевшее бытие людей полилась жизнь. Оказалось, что познание может быть не только

аналитико-прагматичным, но и живительным. Через него можно заново родиться, победив в себе боль, страхи, себялюбие, мелочные привязанности. Это было не философское познание через трансцендирование, но богопознание через имманентизацию региона *Dawesen*. «Бог готов ежечасно, но мы очень не готовы; Бог к нам близок, но мы далеки. Бог внутри, но мы снаружи; Бог в нас дома, но мы чужие!» – писал Мейстер Экхарт [18, с. 52].

И всё же эта новая жизнь имела своё уязвимое место. Неукоренённость в регионе *Dasein* превращала её в некий затянувшийся экстаз. Система стала живой, но неравновесной, несовершенство бытия как будто перестало иметь вообще какое-либо значение. Действительно, перед всесилием и величием Господа, который снизошёл к нам с запредельных высот и поселился в наших сердцах, какое значение имеет, что мы едим, во что мы одеты, счастливы ли наши дети, справедливо ли наше общество, есть ли у нас какая-то иная цель, кроме слияние с Богом?

Рене Декарт. Поскольку в данной статье не стоит задача последовательно изложить историю философской мысли, мы позволим себе сразу после Средневековья обратиться к некоторым положениям философии Рене Декарта.

Апология Декарта, которая содержится в работах М.К. Мамардашвили, хорошо вписывается в нашу модель. Мамардашвили считает, что, несмотря на общепринятое мнение о декартовом механицизме, «вся декартовская техника была направлена на то, чтобы максимально устранить, заблокировать все механические элементы мышления <...> декартовский принцип *cogito* был введён как символ, обозначающий тот зазор в мире, который должен быть занят моим существованием в акте мысли. Если в акт мысли поставлено существование и акт мысли является проявлением жизни существования, то тогда то, о чём этот акт или его содержание, может получить признак достоверности» [7, с. 335]. (Здесь термином «существование» обозначена уже почти настоящая *экзистенция*, т. е. бытие в регионе *Dasein*, только в этом случае словосочетание «жизнь существования» вообще имеет смысл).

Мы уже выяснили, что мышление достоверно не само по себе, не с помощью перекомпоновки собственных предикатов из региона сущности, а только если оно покоится на том, что, безусловно, «живее» мысли. Никакие онтологические предикаты не подойдут, потому что они тоже вторичны. По традиции нужно было обратиться в регион *Dawesen*, например, к идее Бога. Декарт впоследствии делает это, но *раньше Бога* он выбирает удивительную сущность – «мысль о своём мышлении». Этот выбор ставит в тупик последующих философов и по сей день вызывает споры. Действительно, выбор Декарта выглядит некорректно, потому что «мысль о своём мышлении» не трансцендентная сущность, может ли она быть укоренена в *Dawesen* или это пустая тавтология из региона сущности. Мамардашвили полагает, что это не тавтология, а скорее первичная экзистенция, т. е. первая робкая попытка в западноевропейской философии пробиться к *Dasein*, соединить две области *Dasein* и *Dawesen*, получив, таким образом, полный «расколдованный» мир, в котором мышление оживляет, а не раз-

лагает, а бытие порождает мысль, а не гасит её в своём вечно текущем хаотичном потоке. «Cogito ergo sum» – это первый западноевропейский Ereignis, внезапный просвет в корке повседневного бытия, с которым приходит сознательное понимание «Я ЖИВОЙ».

Через этот просвет Декарт попадает в новый режим бытия и мышления, в котором усилия сознания плодотворны, аксиомы не произвольны, а выводы не случайны [9]. Так родился *метод Декарта*, который, даже будучи упрощён, искажён и не понят до конца, считается основой научного мышления Нового времени – слишком сильный потенциал заложен в под-регионах Dasein и Dawesen, тем более, если между ними возник живой мост саморефлексии.

Экзистенциализм и Мартин Хайдеггер. Можно сказать, что Декарт оказался стихийным и, возможно, не очень последовательным открывателем подрегиона Dasein, однако последствия его «случайного» открытия оказались чрезвычайно серьёзными. Как Колумб, который видит новую землю и полагает, что это только остров, не догадываясь, что перед ним – целый материк. Конечно, рано или поздно появились люди, которые решили исследовать приоткрывшийся Декарту способ бытия и обнаружили целый край, полный неисчерпаемого вдохновения. Весь XIX в. прошёл «под знаком» открытий *экзистенциализма*. Это мировоззрение далеко вышло за пределы компетенции философов: художники, писатели, композиторы – все чувствовали себя причастными новому способу бытия. Люди как будто заново увидели мир. Всё стало вдруг важным: и чашка утреннего кофе, и мимолётная сетка теней, упавшая на любимое лицо, и внезапно набежавшая грусть... Огюст Ренуар говорил в старости, что всю жизнь пытался рисовать как ребёнок. Видеть мир глазами ребёнка, значит, не опосредовать его схематичными омертвевшими сущностями, верить, что «сейчас» и есть главный и единственный момент жизни, чувствовать, что мир каждое мгновение меняется *вместе с тобой* и отчасти *из-за тебя*.

Сейчас уже сложно представить, насколько изменилась наша культура за последние два столетия в свете освоения подрегиона Dasein. Нам кажется, что вполне естественно беречь уникальность и хрупкость детства, ценить «маленькие радости» жизни, делиться с друзьями мимолётными состояниями своей души. Пусть не всем это свойственно, но ни у кого не вызывает удивления. А ведь почти две с половиной тысячи лет люди были поглощены поисками вечных сущностей, игнорируя и обесценивая текущее мгновение. В споре между Парменидом и Гераклитом негласную победу надолго одержал Парменид. «Первична сущность, а не существование» – таков был лозунг эссенциализма. Его никто не отменял, но нашлась удивительная сущность – *человек*, у которого, по мнению экзистенциалистов, *существование предшествует сущности*. Это значит, что человек будет тем, что он сам из себя сделает. Это значит, что Аристотель напрасно ограничил сущность человека предикатами «разумного политического животного». Человек – *незавершённая форма*, его существование может изменить его сущность, ибо она не есть что-то навеки данное. Человек живёт, чтобы сотворить человеческое.

И всё-таки упоение экзистенциализмом длилось не долго. Даже в живописи видно, как быстро импрессионизм незаметно сменился постимпрессионизмом, для которого важнее было изобразить *идею*, а не просто *впечатление*. Регион *Dawesen* – слишком ценное и важное приобретение человеческой культуры, чтобы легко отказываться от него. Мартин Хайдеггер – апологет и ценитель *Dasein*, не случайно тревожно писал о той лёгкости, с которой люди разучиваются мыслить. Найти равновесие между мышлением и бытием на новом уровне сложности – вот задача нашего времени. Не между мышлением как оперированием формальными сущностями и бытием как перекомпоновкой клишированных состояний, а между мышлением, уходящим нитями к своим *da*-сущностным состояниям, и *Dasein*-бытием, оживлённым через просвет *Ereignis*.

Позитивизм и наивный реализм. XIX в. отмечен не только увлечённостью экзистенциализмом, но и великим разнообразием мировоззрений. Среди них важную роль занял позитивизм, претерпевший за свою историю, пожалуй, наибольшее количество трансформаций. В рамках нашей модели позитивизм невозможен как философия. Это вполне очевидно, поскольку задачи философии всегда стояли на стыке имманентного и трансцендентного. Забросить нити в за-опытную реальность, понять ту невидимую основу, которая проявляется через наше бытие – вот смысл и назначение философских поисков. Но именно эту задачу позитивизм и попытался отменить. Если ориентироваться по модели, то позитивизм оставил для себя строго две имманентные области: бытие и сущность, предполагая, что их вполне достаточно для жизни и даже дальнейшей эволюции всего человеческого рода. Но редукция рано или поздно приводит к деградации системы. Законы развития говорят об *усложнении* как об основном критерии жизнеспособности. Отказаться от самых ценных и удивительных завоеваний человеческого Духа только на том основании, что они не всем доступны, не завершены и отвлекают от сиюминутного обустройства социума – это недостаточно сильные аргументы. Вот почему в своё время так пламенно «воевал» с позитивизмом Владимир Соловьёв.

Конечно, если мы будем анализировать историю позитивизма, то увидим не примитивную идею, а ряд интереснейших мыслителей, каждый из которых на самом деле добросовестно выполнял свою «философскую работу», т. е. исследовал и протягивал нити в трансцендентный регион материально-сущего, в подрегионы *Dasein* и *Dawesen*. (И мы надеемся со временем провести такое исследование). Именно в силу своей философской *невозможности*, позитивизм моментально распался на целый ряд *реальных* философий: позитивизм Конта, позитивизм Спенсера, материализм, эмпириокритицизм, логический позитивизм, философия науки. Но проблема заключается в том, что, видимо, по закону наименьшего сопротивления самый примитивный вариант позитивистского редукционизма (которого, возможно, и не было никогда как последовательно изложенной философской концепции) негласно лёг в основу современного мировоззрения. Более того, позитивизм трансформировался в какой-то наивный реализм, в

котором область материально-сущего «с чёрного хода» и без всяких на то оснований была втянута в регион бытия для иллюзии «полноты картины».

Как будто люди устали искать смысл жизни и вдруг получили официальное разрешение больше этого не делать. Официальность закрепляется «магической печатью» всемогущего термина «научное мировоззрение». Напрасно говорить, что сами учёные очень далеки от подобных взглядов, и чем глубже и серьёзнее продвигаются научные исследования, тем больше возникает вопросов относительно областей трансцендентного. Современная наука – это уже *транснаука* [5], одна из самых передовых областей человеческого знания, синтезирующая в себя все известные регионы сущего. Так, регионом материально-сущего занимаются естественные науки, регионом бытия – социальные науки, подрегионом Dasein – трансперсональная психология, регионом сущности – логико-математические науки, а подрегионом Dawesen – науки метафизические, не говоря уже о всевозможных синтетических отраслях и направлениях научного знания.

4. Пути и возможности человека в рамках расширенной модели регионов сущего

Человек – это удивительное сущее образование, которое затрагивает все его известные (а возможно, и неизвестные) регионы. Горы остаются трансцендентным материально-сущим; живая природа в её первозданном виде одной стороной обращена в материально-сущее, а другой стороной есть чистое Dasein (живое сущее); приручённая человеком природа, возможно, обретает какие-то первоначальные качества из региона бытия (но это вопрос к зоопсихологам); известно также, что некоторые представители животного мира обладают абстрактным мышлением (способностью к построению причинно-следственных связей, счётом, способностью к освоению символического языка), т. е. проникают в регион сущности. Но только человеку (в известной нам эволюционной цепи живых организмов) открываются подступы к трансцендентному региону Dawesen. Перед остальным миром у человека есть свои недостатки и свои преимущества, но, главное, у него есть возможность *изменяться* на da-сущностном уровне – менять саму форму человеческого.

Анри Бергсон так писал об этой способности: «Жизнь в целом является как бы огромной волной, которая распространяется от центра и почти на всей окружности останавливается и превращается в колебание на месте: лишь в одной точке препятствие было побеждено, импульс прошёл свободно. Этой свободой и отмечена человеческая форма» [2, с. 258–259].

С точки зрения онтогенеза, подрегион Dasein, который в западноевропейской культуре начал осваиваться так поздно, первичен по отношению к региону бытия. Всё живое бытийствует в форме Dasein, кроме человека, почти утратившего связь с этим подрегионом. Такова плата за создание собственного региона бытия – бытия, обработанного разумом. Этот регион возникает одновременно с регионом сущности – вотчиной человеческого разума. В своё время Гегель подробно описал процесс полной развёртки всех регионов в «Феноменологии духа».

Какие же возможности есть у человека с точки зрения нашей расширенной модели?

1. Есть возможность оставаться в искусственно сконструированном мире регионов бытия и сущности. Тогда наша домашняя кошка – *на самом деле* именно такая, какой мы её видим и осязаем, и с ней всё понятно – она есть представитель класса млекопитающих с «такими-то» отличительными признаками, и всегда можно найти подробный справочник, где написано, как обращаться с кошками. Тогда наш родственник – *на самом деле* такой зануда, как мы о нём думаем, и, поскольку он тоже подпадает под какую-нибудь классификацию социотипов, значит, обязательно найдётся книжка-инструкция, как себя с ним вести. Тогда мир вокруг нас – *на самом деле* такой, каким он нам кажется, если он не соответствует нашим представлениям о правильном мироустройстве, мы либо будем несчастны, либо возьмёмся переделывать его под себя, хотя вряд ли в этом преуспеем.

2. Есть возможность заставить свой разум немного помолчать – он ведь «не верит» в Dasein, ещё Кант отметил, что его (разума) априорные формы «пробуксовывают» от нерасчленимой полноты. И хотя мы не можем произвольно испытать событие Ereignis (оно случается само, ведь дверь в Dasein открывается *с той стороны*), нам доступно очень многое, чтобы создать предпосылки для этого события: к нашим услугам вся мировая мудрость. Научившись жить хотя бы «перебоями» (как говорил Мамардашвили) в режиме Dasein, мы начнём осознавать относительность наших представлений о мире. И тогда неизбежно захочется поискать что-то истинное, глубокое, соответствующее тому, что мы испытываем. Так, рано или поздно, найдётся дорога в подрегион вечно юных и несомовознесённых da-сущностей.

Кто знает, может быть, через трансцендентный подрегион Dawesen можно проникнуть и в трансцендентную область материально-сущего – первичную и загадочную? Может быть, регионы сущего взаимно замыкаются через свои трансцендентные области, и нам стоило рисовать не кольца, а одностороннюю поверхность «бутылки Клейна»? Может быть, в своей сокровенной глубине регионы материально-сущего и Dawesen суть одно и то же (как у Николая Кузанского, минимум совпадает с максимумом)?

«Ты не отделён от природы. Все мы часть *одной* Жизни, являющей себя в бесчисленности форм Вселенной. Форм, всецело зависимых друг от друга, – пишет один из величайших мистиков современности Экхарт Толле. – Когда ты видишь святость, красоту, невысказанную безмятежность и величие, в которых существует дерево или цветок, ты умножаешь их. Через твоё видение, твоё осознание природа тоже начинает познавать себя. Она начинает постигать свою собственную красоту и святость – через тебя! <...> Через тебя природа начинает осознавать себя. Она ждала тебя миллионы лет» [15, с. 113–114].

3. Есть возможность начать с поиска оснований для своих убеждений и постепенно найти те идеи и понятия в регионе сущности, которые уходят корнями в Dawesen. Оттуда «рукой подать» до оживления своего бытия, потому что da-сущности сами *живые*, они откликаются на наш зов

и помогают постичь сущность ЖИЗНИ. И тогда снова – вместо двух привычных и уже наскучивших регионов бытия-сущности, многообразие регионов и удивительные возможности.

4. Есть также возможность погрузиться с головой в мир естественных наук, вооружившись арсеналом средств, наработанных человеческим разумом в связке бытие–сущность, и выйти *на самый край* (есть даже специально выражение «край науки»), откуда простирается неизвестное. И если не сдаваться и не опускать рук, то в какой-то момент ощутишь себя уже *по ту сторону*, в самом центре океана неизведанного, где всё те же несомненно-вознесённые да-сущности не дадут утонуть и потеряться, но вынесут к берегам региона жизни Dasein. Это путь транснауки.

Путей множество, и все, кроме одного – самого первого, ведут *в глубину*. Американский философ Кен Уилбер не случайно призывает избегать плоского мира. Человек дорого платит за свою разумность – регионы бытия и сущности прочной коркой заслоняют живую ткань сущего, которая проявляется в регионах Dasein и Dawesen. Остаться жить в этой корке – значит жить на поверхности, в плоском мире, не осознающем своих основ, своей единящей все элементы сущего глубины. «Разрушить господство поверхности» призывает в своих книгах Уилбер, и мы всем нашим Интегральным сообществом искренне присоединяемся к этому призыву: «Только отказавшись от принципов поверхности, можно объединить Благо, Истину и Прекрасное и ощутить сияющее проявление Духа во всех областях. Только отказавшись от поверхности, мы можем прийти к подлинной экологической этике и гармоничному сосуществованию с природой. <...> Только отказавшись от поверхности, мы можем освободить население глобального мира для общения, не отягощённого национальными, расовыми и коммерческими войнами. <...> Только отказавшись от поверхности, технологическая основа Интернета может стать слугой общества, а не господином новой цифровой анархии, и, таким образом, Сеть могла бы фактически стать рассветом образования и глобального объединения, а не окончательного обособления...» [16, с. 474] и т. д., и т. д. Только отказавшись от поверхности...

В этой статье представлена «плоская» модель, отображающая глубину и объёмность мира. Дело только за воображением читателя.

Список литературы

1. Августин А. Исповедь. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Терра-Книжный клуб; Канон-пресс-Ц, 2001. 384 с.
3. Борчиков С.А К лекции 18 В.И. Моисеева // Дискуссия на форуме сайта «Интегральное сообщество». [Электронный ресурс]. URL: <http://allunity.ru/forum/viewtopic.php?f=10&t=20&start=20#p489> (дата обращения – 12.04.2016 г.).

4. Борчиков С.А. Тезисы к дискуссии 01.02.16 // Сайт «Философский семинар» [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy-seminar.ru/forum/31-74-1> (дата обращения – 12.04.2016 г.).
5. Войцехович В.Э. Наука следующей цивилизации – транснаука. // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2016. № 3.
6. Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1999. 1072 с.
7. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 458 с.
8. Моисеев В.И. Сильнопредикатизм. Лекция 18 углублённого курса // Сайт «Неовсеединство». [Электронный ресурс]. URL: http://neoallunity.ru/1/index.php?option=com_content&view=article&id=39&Itemid=331.pdf (дата обращения – 10.04.2016 г.).
9. Подзолкова Н.А. Живая структурность бытия и мышления в форматах социопrotocola // Интегральная философия [электронный журнал]. URL: <http://allunity.ru/journals/J6.pdf> 2016. № 6. С. 82–100 (дата обращения – 12.04.2016 г.).
10. Подзолкова Н.А. Раскрытие собственной формы в человеческой культуре. // Образы постнеклассической интегральной философии: материалы 1-й летней школы по интегральной философии и философии неовсеединства: сборник статей. М.: Навигатор, 2014. 98 с.
11. Подзолкова Н.А. Собственная форма как ближайшая коллективная задача интегральной гносеологии // Философские науки. 2014. №10. С.125–135.
12. Сайт «Интегральное сообщество». [Электронный ресурс]. URL: <http://allunity.ru/> (дата обращения – 22.03.2016 г.).
13. Скляренко Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут. М.: АСТ; СПб: Сова, 2006. 94 с.
14. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. 822 с.
15. Толле Э. Тишина говорит. М.: ООО «Книжное издательство София», 2015. 160 с.
16. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ: Астрель, 2006. 476 с.
17. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: сборник. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
18. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М.: Политиздат, 1991. 192 с.
19. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2013. 320 с.

**ADVANCED MODEL OF EXISTING REGIONS AND ITS
APPLICATION TO SOLVE PHILOSOPHICAL PROBLEMS**

N.A. Podzolkova

Ozyorsk Technological Institute – branch of the National Research Nuclear University MEPhI

The paper proposes a model of the organization of key categories (regions) of world philosophy: *things*, *being* and *essence*. This model has been developed taking into account the introduction of new categories (sub-regions) of Dasein (here-being) and Dawesen (here-essence). This differentiation allows to clear connection between basic categories and more deployed analyze the age-old philosophical questions.

Keywords: *things, material things, being, essence, Dasein, Dawesen.*

Об авторе:

ПОДЗОЛКОВА Наталия Андреевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Озёрского технологического института – филиала ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Озёрск. E-mail: natalynxy@mail.ru

Author information:

PODZOLKOVA Nataliya Andreevna – Ph.D. (Philosophy), Assoc. Prof. of Department of humanities of Ozyorsk Technological Institute – branch of the National Research Nuclear University «MEPhI». E-mail: natalynxy@mail.ru